

шорджа

Л.Е.Бляхер, И.Ф.Ярулин
КТО ТАКИЕ БАСМАЧИ?

СОВЕТСКОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО И СТИГМАТИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Ключевые слова: басмачи, периферийное сообщество, мифологизация, этнические и социальные конфликты

Возникшие на руинах СССР государственные образования, зачастую не имеющие опыта самостоятельного существования в качестве политических структур Модерна, усиленно ищут пути создания собственной героической легенды, способной объединить население в политическую нацию¹. Без такой легенды, причем более или менее общепризнанной, политическая идентичность начинает дробиться, превращаясь в источник постоянных конфликтов.

¹ Бляхер 2008.

При решении этой задачи большинство постсоветских государств (кроме России) отталкиваются от советского наследия, пересматривая ассоциирующиеся с ним установки и стереотипы. В рамках этого подхода конструируется новая историческая традиция, переоцениваются герои и антигерои советской историографии, выстраиваются новые линии прошлого и сама политика памяти.

Не являются исключением и государства Центральной Азии, пытающиеся опереться на традицию древних империй от Хорезм-шахов и Чингиз-хана до Тамерлана и далее². Казалось бы, одним из объектов сакрализации должно было стать басмаческое движение и его представители как борцы за свободу и независимость центральноазиатских народов³. Однако до полной реабилитации басмачества пока далеко. Споры вокруг него продолжаются по сей день, и, несмотря на усилия отдельных исследователей и публицистов⁴, оно упорно не желает превращаться в образец национальной доблести. Все чаще речь идет о «мифе басмачества»⁵.

² Бляхер, Кизима 2009.

³ Салимтур 2011.

⁴ См., напр. Бегалиев 1994.

⁵ Шевченко 2006.

Проблема, по-видимому, заключается в том, что сама реальность в этой части мирового пространства остается постсоветской, наследующей, интерпретирующей и переосмысляющей концепты, сложившиеся в годы СССР. К числу таких концептов относится и «басмачество» — понятие, созданное советской властью с целью демонизации (мифологической стигматизации) своих противников. В него-то, а точнее, в скрывающийся за ним миф и упираются любые попытки взглянуть по-новому на деятели той эпохи, дать им «объективную оценку».

Механизм мифотворчества широко использовался советской империей для стигматизации периферийных сообществ, и случай с мифологизацией басмачества здесь весьма показателен. Но прежде чем

приступать к его анализу, целесообразно остановиться на природе политического мифа и его роли в организации политической коммуникации. Поскольку одному из авторов настоящей статьи уже доводилось писать на эту тему⁶, ограничимся кратким воспроизведением высказанных ранее соображений.

⁶ См. Бляхер 2004, 2005, 2010.

В большинстве работ (в том числе и посвященных басмачеству) политический миф трактуется как инструмент манипуляции сознанием. Но хотя такая трактовка имеет солидную традицию⁷, ее адекватность вызывает у нас сомнения. По нашему глубокому убеждению, политический миф представляет собой не столько инструмент манипуляции, сколько организующее коммуникацию коллективное знание, обеспечивающее совмещение когнитивных горизонтов членов группы, то есть ту несущую конструкцию, которая делает возможной коммуникацию *per se*.

⁷ См., напр. Кассирер 1990; Московичи 2011.

Политический миф, как и миф вообще, — это не ложное или ошибочное знание, а знание, не требующее проверки. Политический миф предстает истиной просто потому, что он миф. В этом своем качестве он не нуждается в подтверждении чем-либо, кроме себя самого. Его наличие детерминирует отбор фактов, концепций и т.д. Точнее, любая имеющаяся реальность интерпретируется в мифологических формах.

Миф — принципиально контрфактичен. Его не компрометирует никакая совокупность фактов, предъявленных индивиду. Ведь именно им определяется интерпретация того, что видит человек. Так, миф о «добром царе» отнюдь не разрушается при появлении не очень доброго — скорее сам «недобрый царь» начнет восприниматься как самозванец⁸. При столкновении с «неудобным феноменом» носитель мифологии, спасая свой механизм смыслозначения, выдвигает сильнейшую идеализацию: «А почему бы и нет?». Столь же спокойно относится миф и к конфликту интерпретаций самих фактов, уже прошедших мифологическую обработку. Например, миссионерскую деятельность священнослужителей среди коренных народов Дальнего Востока не особенно затрудняло то обстоятельство, что легитимные для аборигенов формы группового брака квалифицировались миссионерами как разврат и сожительство братьев с сестрами. Этот момент просто опускался в ходе коммуникации.

⁸ Успенский 1994.

Существенно и то, что миф — целостная структура, воспринимаемая только во всей своей совокупности. Это и создает основу для интерпретации. Считывая с социального дисплея некие элементы мифа, его носитель с легкостью достраивает остальное. Недоверие хотя бы к одному из элементов мифа разрушает всю связанную с ним картину, выводя усомнившегося за пределы мифологической реальности. Собственно, в этот момент миф и фиксируется как ошибочное, ложное знание. Именно взгляд с позиции внешнего наблюдателя и допускает «манипуляцию». Проблема, однако, заключается в том, что вместе с мифом «манипулятор» утрачивает способность понимать разделяющих его и быть понятым ими.

Результатом различного рода «манипуляций» и «разоблачений» может стать сложная игра, от исхода которой будет зависеть, произойдет или нет согласование смыслов между теми, для кого миф — реальность, и теми, для кого он ошибка или заблуждение. Такое развитие событий особенно характерно для взаимодействия, возникающего на границах не просто групп, но этносов и цивилизаций, как это было в 20–30-е годы прошлого столетия в Центральной Азии, упорно осваивавшейся молодой республикой Советов.

⁹ Сафаров 1921: 11.

Казалось бы, если «басмачи» — это «контрреволюционное движение эксплуататорских классов Средней Азии, направленное на борьбу с советской властью»⁹, то что может быть проще? Поскольку советская власть отбрасывается, борцы с ней автоматически должны быть признаны национальными героями. Почему же этого не происходит? Ответ на этот вопрос, как представляется, следует искать в специфике взаимодействия трех несовпадающих точек зрения на происходившее в регионе в первой трети XX в.

Чаще всего в исследованиях басмачества делается упор на взгляд из метрополии, предопределивший и само возникновение соответствующего концепта, и правила его использования. Но не менее важны две другие точки зрения — точка зрения политических сословий Центральной Азии, прежде всего тех групп, которые уже несколько столетий осуществляли власть в регионе, балансируя между Российской империей, иными властными группами и основной массой местного населения, и точка зрения самого местного населения, не входившего в политические группы. Как будет показано ниже, именно последняя, будучи меньше всего артикулирована, и обусловила в конечном счете ход событий. Однако начать целесообразно с позиции метрополии.

**Взгляд
из метрополии:
Центральная Азия
первой трети XX в.**

Столичный взгляд на происходившие в регионе процессы сложился еще во времена Российской империи. Для Петербурга Центральная Азия была одной из периферий, наряду с дальневосточной, польской, финской и т.д. Как и в случае других периферий, основой имперской политики являлась колонизация, растворение местного и особенного в общеимперском пространстве. Инструментами такого растворения выступали имперская администрация, войска, общеимперские законы и массовое заселение выходцами из метрополии¹⁰.

¹⁰ См. Эткнд
2013.

При том что политика России в отношении колонизируемой окраины была достаточно гибкой, а первые генерал-губернаторы Туркестана старались отнестись с пониманием к местным традициям, противоречия оставались. Местный земельный фонд перераспределялся в пользу переселенцев из метрополии (казаков и крестьян), освященное обычаем родоплеменное деление игнорировалось, возникал конфликт между формировавшейся в недрах имперского управленческого аппарата местной бюрократией и традиционным политическим классом.

Восприятие в метрополии этих противоречий было вполне стандартным. Империя — инструмент модернизации «отсталых народов». Протест «отсталых народов» против империи есть протест против модернизации, представляющей собой абсолютную ценность. Соответственно, сам этот протест находится не только вне правового поля, но и вне пространства «человеческого разума»¹¹. Подобного рода установка отчетливо проявлялась, в частности, при подавлении многочисленных восстаний в регионе¹².

¹¹ См. *Agamben 1998*.

¹² *Ганин 2008*.

Для поддержки и обоснования такой позиции необходимы были «ростки нового» в цивилизуемом обществе. Эти ростки выделялись в появлении местной буржуазии, ориентированной на имперский рынок, рабочих (главным образом железнодорожных), крупных сельскохозяйственных структур, а также во вхождении местной элиты в общеперский политический класс. Наличие под тонким и сугубо внешним слоем «модернизированного общества» гигантского слоя иной социальной реальности игнорировалось или трактовалось как несущественные «местные особенности».

Местный политический слой старательно, пока для этого оставались хоть какие-то возможности, играл по имперским правилам, используя в своих целях имперские имена. Февральская революция изменила для местного населения лишь систему имен, но не сущность. В Туркестанском крае, как и в самой метрополии, возникло двоевластие. В Коканде заседали Временный народный совет и Временное правительство, в Ташкенте — Совет народных комиссаров. Тот факт, что в составе последнего не было ни одного представителя местного населения, воспринимался как незначимый. Ведь модернизация, прогресс и т.д. — общие процессы, не требующие этнокультурной спецификации.

Этот взгляд унаследовало и большевистское правительство России. Прогрессивные элементы отсталой окраины нуждаются в поддержке. Значит, поддержка должна быть оказана. «Советы» сражаются с «Временным правительством». Здесь тоже реакция отработана¹³. В феврале 1918 г. в Ташкент прибыли войска, уничтожившие двоевластие в пользу СНК. То, что в ходе боев погибло свыше 10 тыс. мирных жителей, особой рефлексии не вызвало. Развернувшаяся после этого борьба рассматривалась в контексте борьбы «красных» и «белых» — тем более что одно из движений того времени (Алаш Орда) вступило в союз с атаманом А.Дутовым¹⁴.

¹³ *Чокаев 2002*.

¹⁴ *Sabol 2003: 143—144*.

Гораздо более неожиданным для метрополии было массовое участие в повстанческих отрядах того самого местного населения, которое, собственно, и предполагалось освобождать от «феодално-байских» пережитков. И если крупные города, изначально функционировавшие в качестве имперских центров, так или иначе контролировались большевиками, то за их пределами власть Советов заканчивалась. Уже к 1920 г. этап политической борьбы сменился этапом борьбы партизанской, этапом народной войны. Разгром отрядов ферганского лидера Мадамин-бека, перешедшего на сторону Советов, соратниками местно-

го полевого командира (курбаши) Хал-Ходжи знаменовал собой качественное изменение ситуации.

Старый политический класс Центральной Азии, придававший событиям модернистскую окраску (джадиды, кадимиды и т.д.), оказался отнесен на второй план. На авансцену выдвинулись местные лидеры и курбаши, пользовавшиеся поддержкой населения. Опора на маргинальные слои, пренебрежительное отношение к местным обычаям, религии («феодальные пережитки»), родовым связям — все это наложило свой отпечаток на репутацию «освободителей из метрополии» в глазах жителей региона. На смену влиятельным муфтиям и политикам пришли предводители низовых движений (к их числу относился, в частности, Куршермат, возглавивший восстание в Фергане). В свою очередь представители местной буржуазии и прочих «эксплуататорских классов», ранее выступавшие на стороне Российской империи, превратились в защитников советской власти.

¹⁵ Пылев 2006.

Помимо Ферганы, данная тенденция отчетливо просматривается на территории Бухары¹⁵. После недолгого сопротивления бухарский эмир Алим-хан бежал в Афганистан, и наступавшим шурави (советским) противостояли отнюдь не политические фигуры — местные беки, удачливые курбаши, лидеры местных сообществ. К 1921 г. антисоветское движение в Бухаре становится подлинно народным¹⁶.

¹⁶ Зевелев, Поляков, Шишкина 1986.

И уж совсем непонятно развивались события в Хивинском ханстве (Хорезме), где водораздел между сторонниками и противниками советской власти просто проходил по границам двух племенных союзов, один из которых оказывал поддержку большевикам, а другой установил контакты с омским правительством¹⁷.

¹⁷ Абдуллаханов 2009.

Здесь и возник когнитивный диссонанс. Ведь советская власть шла освобождать народ. В силу этого народ по определению не мог выступать против советской власти, причем в массовом масштабе, не мог поддерживать ее врагов. Ведь тогда движение повстанцев должно было быть осмыслено как национально-освободительное, а РККА — как захватническая армия, что противоречило фундаментальному тезису метрополии о ее освободительной по отношению к бывшим колониальным народам миссии. В этой непростой ситуации и родился термин «басмачи» как инструмент примирения идеологии и реальности.

Само слово «басмачи» (от узб. *басма* — «налет»; суффикс «чи» указывает на профессию) существовало задолго до революции и победы советской власти. Оно обозначало людей довольно многочисленных и вполне понятных, имевших свою нишу в хозяйственной и социальной структуре Центральной Азии.

За исключением группы оазисов в Междуречье и благодатной Ферганской долины, регион находился в сфере рискованного земледелия. В оазисах были расположены и основные центры торговли, дворцы местных властителей и иных богатых жителей. Жители бедных районов, вынужденные вести кочевое хозяйство, осваивали особый тип экономики — экономики набегов. Набеги, насильственные изъятия составляли

немаловажный элемент жизнеобеспечения кочевников. Удачливый курбаши, глава отряда искателей приключений, становился влиятельным человеком в своем племени. Часто после завершения карьеры разбойника он оказывался казием (судьей), беом (главой местного сообщества) или сборщиком податей. Но набегами занимались не только «народные герои». Самое бедное государство региона, Хивинское ханство, регулярно совершало набеги на Коканд и Бухару. Это не было войной в прямом смысле, а просто отражало уровень насилия в ситуации слабой власти¹⁸.

¹⁸ *Brower 2003.*

По существу, подобный тип действий являлся привилегией воинов-кочевников. Понятно, что особых симпатий у оседлых жителей эти лихие джигиты не вызывали. Вхождение Центральной Азии в орбиту влияния России значительно снизило общий уровень насилия, с чем и было связано вполне благожелательное отношение к русским со стороны местного населения. Частота и массовость набегов сократились. А слово «басмачи» приобрело откровенно негативные коннотации.

Это слово и становится спасением для освободительной Красной армии. Ей противостоят не местные жители, не «угнетенное население», а бандиты и их пособники — басмачи. Басмачи («и» в конце слова интерпретируется теперь как показатель формы множественного числа) изначально находятся вне правового поля, потому по отношению к ним допустимо любое насилие. В свою очередь, местное население, «запуганное» басмачами, необходимо защищать и поддерживать, лишая басмачей материальной базы. А бывших басмачей (обманутых басмачами реальными) можно принимать в ряды РККА, поскольку они — эксплуатируемые элементы, освобождать которые и призвана Красная армия.

Появление слова внесло не меньший вклад в перелом ситуации, чем полководческий талант М.Фрунзе или оснащение войск бронепоездами и самолетами. Но если из метрополии происходившее виделось как борьба с бандитами, то местное население, как мы постараемся показать ниже, фиксировало совсем иные процессы, и весьма разнообразные.

**Взгляд
политического
класса
Центральной Азии**

Политический класс Центральной Азии, конечно, понятие метафорическое. Ни классовой, ни этнической основы господствующие группы не имели. В состав Кокандского и Хивинского ханств и Бухарского эмирата входили самые разнообразные этносы. Ключевое различие состояло в формах деятельности. Подданные работали на земле, торговали, делали кувшины, строили дома, писали стихи; политическое сословие воевало. Причем воевало оно с такими же представителями политического сословия (воинами). У подданных (своих и чужих) просто бралось то, что положено по статусу. В то же время одним из титулов политического лица в регионе был титул «защитника». Правитель не только изымал, но и защищал (соплеменников, подвластные племена

и т.д.). Именно это и определяло легитимность его власти в глазах подданных. Внутри же политического сословия действовала сложная система договоренностей, основанная на родстве, степени влиятельности племени, личной репутации воина.

Еще в XVIII в. верховная власть в государствах региона принадлежала потомкам Небесного хана, чингизидам. Правда, уже тогда рядом с ними находились «советники» (реальные правители) из наиболее влиятельных племенных образований. Столетие спустя главы самых многочисленных и мощных союзов племен (мангыты в Бухаре, йомуды в Хиве), избавившись от бессильных ханов, заняли их место. По мере встраивания региона в Россию появился и новый тип элиты — национальная буржуазия¹⁹. Ее представители тоже были выходцами из воинского (или религиозного) сословия, но славе воина предпочли благополучие купца и предпринимателя. Их дети, не только получившие лучшее местное образование, но и нередко обучавшиеся в наиболее престижных российских университетах, принесли в регион идеи просвещения и мусульманского обновления (джадидизм). Местная хозяйственная и религиозная элита, не интегрированная в империю, напротив, стремилась закрыть регион от внешних, «гяурских» влияний (кадимизм).

¹⁹ Хотамов 2000.

Впоследствии джадиды, как правило, были сторонниками, а порой и инициаторами установления советской власти (младобухарцы, младохивинцы), тогда как кадимисты выступали за ее оппонентов. Однако и первые, и вторые отражали лишь самый поверхностный уровень борьбы, разворачивавшейся в регионе. Борьба же велась за оазисы и торговые пути, города и орошаемые земли, а «красные» и «белые», да и местные русские, рассматривались как потенциальные союзники (или противники) в ней. Политическая позиция определялась тем, чье племя («мое» или соперников) поддержала та или иная внешняя сила.

То, что лидер басмачества в Хорезме Джунаид-хан принял сторону «белых», связано отнюдь не с его «классовой сущностью». Как раз с классовой сущностью все было непросто. Множество таких же удачливых курбаши, поднявшихся на банальном грабеже торговых караванов, воевало и на стороне шурави. Просто «красные» не признали совершенный им государственный переворот и захват власти в Хиве. Отсюда многолетнее противостояние вождя йомудов советской власти. Сходные соображения предопределили и «советскую ориентацию» его главного противника Кош-Мухаммед-хана с подвластными ему племенами, которые составляли костяк просоветских отрядов, служили проводниками, информаторами. В бедном и малонаселенном Хорезме, где от удачи вождя зависело не только благополучие, но и выживание племени, борьба, по сути, так и не вышла за пределы межплеменной.

Относительно небольшое место занимала собственно политическая борьба и в Фергане с Бухарой.

Уже к 1919 г. основные политические силы Ферганы в лице духовных авторитетов и светских политических лидеров уничтоженной в феврале 1918 г. Кокандской автономии или гибнут, или отходят

«в тень» под давлением войск под командованием Фрунзе, который первым стал привлекать в РККА «обиженных» командиров местных воинских отрядов. На авансцену выходят курбаши (Куршермат, Муэдин-бек, Хал-ходжи). Их практически не интересуют политические расклады за пределами контролируемых ими долин и перевалов. Они не «красные» и не «белые». Они — местные.

Та же ситуация складывается в Бухаре после вторжения в нее в 1920 г. Красной армии и свержения последнего эмира. После краткого и безуспешного сопротивления политические силы, противостоящие советской власти (прежние правящие группы), уходят «за речку», в Афганистан. Их место занимают политические группы, ранее оттесненные от власти (джадиды, клан Ходжаевых в Бухаре и др.), которые становятся советскими руководителями²⁰.

²⁰ Ишанов 1969.

Но союз внешней силы с периферийными местными лидерами дает страшный эффект. Уровень изъятия продуктов у населения возрастает во много раз, для воинских подразделений реквизируются кони и повозки. Местные штабы часто располагаются в мечетях. На любое недовольство новая власть отвечает репрессиями²¹. Именно в этот период на передний план выходит народное возмущение, выдвинувшее новых лидеров и еще один взгляд на происходящее — взгляд снизу, из той самой массы, защитить и осчастливить которую прибыли бойцы РККА.

²¹ Сафаров 1921.

**Народное
восстание:
взгляд снизу**

Период наиболее активного участия народных масс Бухары и Самарканда (в Хорезме события развивались иначе) в антисоветском движении пришелся на 1920—1923 гг.²² Причина была проста. Насилие со стороны красноармейцев и новых властей привело к социальному взрыву. Во главе его, естественно, оказались те, кто умел воевать, кто имел опыт обращения с оружием, — местные курбаши. Стоит отметить, что последние воспринимались земляками не столько как разбойники, сколько как защитники. С позиции дехкан и пастухов ситуация выглядела вполне очевидной: пришлые захватчики нарушили сложившийся баланс сил, обеспечивавший привычный, а значит — комфортный образ жизни. Они не просто разрушили мир, но усиливают свои издевательства над местными.

²² Вишневатский 1990.

Так, в 1921 г. в Бухаре на нужды РККА было изъято более 1,5 млн. пудов зерна, то есть четвертая часть всех запасов населения. Помимо зерна изымалось и мясо. По свидетельству одного из лидеров джадидов-младобухарцев Ф.Ходжаева, занимавшего тогда пост председателя Совнаркома Бухарской республики, «мясная разверстка в республике была выполнена с помощью русских вооруженных отрядов и вызвала ненависть масс к русским вообще и Красной Армии в частности»²³. При этом, кроме слов о свободе и всеобщем братстве, каких-либо особых благ, способных перевесить тот негатив, который несли захватчики, не наблюдалось. Неудивительно, что в этих условиях лидеры повстанцев

²³ Цит. по: Абдуллаев 2007.

²⁴ *Абдуллаев 2009.* воспринимались как защитники — защитники веры, привычного быта и мира в целом²⁴.

Поддержка со стороны населения и обеспечивала повстанцам (именовавшим себя моджахедами) успех при сравнительно небольшой численности (максимальное число участников повстанческих отрядов — 20 тыс. человек) и крайне слабом вооружении. Много писалось и пишется о разрозненности отрядов моджахедов, конфликтах между их командирами²⁵. Но такое развитие событий было, по-видимому, неизбежным, ведь курбаши выступал защитником (и новым правителем) вполне конкретного племени или территории²⁶.

Весьма показательна в этом отношении история Ибрагим-бека — самого стигматизированного из лидеров народного этапа гражданской войны в Центральной Азии. Ибрагим-бек был лидером племени локайцев и беком Гиссара. Вполне понятно, что именно их он и защищал в первую очередь, их интересы отстаивал, часто в ущерб интересам иных племен²⁷. Стигматизация же объяснялась прежде всего тем, что Ибрагим-бек плохо вписывался в образ кровавого злодея и пользовался безусловной поддержкой населения. В отличие от многих других лидеров движения, принадлежавших к бухарской аристократии (как, например, Давлет-Ман-бий из Дерваза), Ибрагим-бек был младшим сыном старейшины небольшой общины. Славу воина и командира он приобрел еще до бурных событий 1920 г., а беком локайцев, как и беком Гиссара, стал по просьбе жителей.

Жестко сражаясь с врагами на территории Восточной Бухары, Ибрагим-бек противился любым попыткам вытащить его за ее пределы. Так, он отказал в помощи против шурави руководителю джадидов и формальному главе бухарского правительства Ходжаеву и поддерживал объединителя повстанческих отрядов Энвер-пашу лишь до тех пор, пока речь шла о вытеснении красных из Душанбе. Его отказ от участия в походе на равнины²⁸, бесспорно, сыграл не последнюю роль в поражении и гибели Наполеона Востока (как называли в прессе того времени Энвер-пашу).

Но магия найденного слова («басмачи») действует безотказно. Именно слово позволяет советской власти проявить гибкость, разделить население Центральной Азии на «чистых» и «нечистых». К слабостям населения (народный ислам, особый быт) можно отнестись снисходительно. Важно, чтобы оно, население, было лояльно к главному, к Мировой революции, то есть к тому, что для местного жителя просто не имело смысла. Басмачи же (бандиты, насильники, убийцы и т.д.) не заслуживают снисхождения. Не важно, кто этот басмач, какие цели он преследует, как действует. Само имя делает его источником всех бед, средоточием всех несчастий. Долгая война приводит к тому, что в глазах мирных жителей моджахеды постепенно превращаются в источник нестабильности. Не случайно уже в конце 1920-х годов в некоторых мечетях начинают поминать советскую власть как «угодную Аллаху»²⁹.

²⁹ *Назаров 2006.*

Не все, но многие племена и общины принимают шурави как меньшее из зол. Но ведь все и не нужны. Найдя опору, несравнимо лучше снабжаемые и вооруженные войска РККА при поддержке дружелюбно настроенных представителей местного населения (в том числе «кровников» басмачей — «краснопалочников») громят отряды повстанцев, вытесняют их за пределы страны в Афганистан и далее (от Синьцзяна до Хорасана)³⁰.

³⁰ Абдуллаев 2009.

К началу 1930-х годов в Центральной Азии практически не остается повстанцев, но слово, рожденное в тот период, продолжает жить. Исчезновение повстанцев парадоксальным образом не приводит к исчезновению «басмачей», то есть слово оказывается устойчивее своего денотата. На этом обстоятельстве стоит остановиться подробнее.

**«Басмачество»
после «басмачей»**

Основные очаги сопротивления на территории бывшего Бухарского эмирата и Туркестана были ликвидированы к середине 1920-х годов. В начале следующего десятилетия противодействие советской власти в Центральной Азии если не исчезло полностью (за исключением эпизодических вторжений Джунаид-хана, продолжавшихся до его смерти в 1938 г. и бывших скорее обычными набегами с целью получения добычи), то оказалось пренебрежимо мало, не выходя за пределы обычной уголовной статистики³¹.

³¹ Касымов 1967: 46.

Однако концепт «басмачи» не утратил своей актуальности. Напротив, его семантика расширяется. Речь идет уже не только о вооруженных бандитах и налетчиках, мешающих строительству новой жизни. Появляется понятие «социальная база басмачества»³². Благодаря ему круг «басмачей» стремительно растет.

³² Устинов 1964.

Кроме тех, кто, собственно, с оружием в руках сражался с Красной армией, он охватывает теперь и «феодално-байскую верхушку», равно как и «реакционное духовенство»³³. Но этим дело не ограничивается. Не менее страшной «пробасмаческой» силой предстает и «нарастающая национальная буржуазия»³⁴ — те самые джаиды, которые по мере сил поддерживали Советы. И поскольку первые руководители советских республик в Средней (Центральной) Азии вышли из этой среды, они, естественно, тоже попадают в пособники басмачества, чья националистическая политика способствовала умножению басмаческих банд.

³³ Воскобойников, Зевелев 1951: 127.

³⁴ Зевелев, Поляков, Чугунов 1981.

В итоге практически весь политический слой новых республик оказался «на крючке» стигмы басмачества. Многие его представители, в том числе упоминавшийся выше видный джаид-младобухарец Ходжаев, ставший председателем СНК Узбекской ССР, были отстранены от должности и расстреляны³⁵. Иными словами, расширительная трактовка понятия «басмач» позволяла радикально «зачистить» регион, ликвидировать все сколько-нибудь неблагонадежные элементы. Ведь к «феодално-байским» и «буржуазным» элементам можно было отнести и национальную интеллигенцию, и политическое и хозяйственное

³⁵ Хлевнюк 2012: 230.

руководство, то есть всех, обладавших хоть каким-то авторитетом среди населения. И хотя репрессии носили селективный характер, тем счастливым, которым удалось избежать подвалов НКВД, приходилось демонстрировать не просто лояльность, а сверхлояльность. В противном случае их перспектива была более чем очевидной.

Но концепт «басмачи» оказался удобен не только для внутреннего, но и для внешнего применения. Тот факт, что остатки повстанцев Восточной Бухары и Ферганы, разбитые отряды Джунаид-хана бежали «за кордон», был интерпретирован как участие «международной контрреволюции» в организации басмаческого движения. Рисуемая советскими пропагандистами действительность представляла совсем иной, чем на самом деле. В этой действительности эмир Алим-хан не сидел в Кабуле на положении почетного пленника, а руководил бандами басмачей. Энвер-паша, приговоренный в Турции к смертной казни и объявленный нежелательным лицом в Германии, был агентом турецкой и германской контрреволюции. А оружием басмачей снабжала та самая Англия³⁶, которая отказалась поставлять его не только Бухаре, но и Афганистану (из опасения, что оно выстрелит в Индии). Однако это обстоятельство в расчет не принималось — все же знают, что англичане любят продавать оружие!

³⁶ Юсупов, Лунип
1981: 173.

Тем самым создавался необходимый истерический фон восприятия ближайшего зарубежья. Оттуда, из-за «речки», грозила беда, оттуда «наймиты международного империализма и контрреволюции» шли к своим тщательно замаскированным сторонникам³⁷. То, что этих сторонников никто не видел, лишь добавляло им загадочности и демонизма. Но невидимый враг наносил реальные удары. Именно он был виновен в хозяйственных неудачах, именно по его вине приходилось переселять горных жителей в долины, где проще действовать войскам, именно в нем заключалась причина бедности основной массы жителей. Поэтому столь бурную поддержку (во всяком случае, в официальной прессе) встречали известия о разоблачении очередного «врага».

³⁷ Басмачество
1984.

Концепт, некогда рожденный из совершенно утилитарных соображений для обозначения врагов, по отношению к которым можно было не стесняться в выборе средств, врагов вполне конкретных, осязаемых, окончательно лишился предметного содержания. «Басмачи» превратились в некий аналог «иблиса» (дьявола), темной силы, борьба с которой могла продолжаться вечно.

Слово (имя) трансформировалось в миф. Этот миф и пытаются сегодня переосмыслить в Центральной Азии. Но миф потому и миф, что целостен и не допускает инверсии, переосмысления, трактовки. Разнородные силы, включенные в ходе мифотворчества в единый концепт «басмачи», не поддаются единому «оправданию». Они просто разные. Именно поэтому миф и не удастся преобразовать в героическую легенду. Он не преобразуется. Он может быть только разрушен. И это, вероятно, дело совсем недалекого будущего.

Библиография

- Абдуллаев К.Н.** 2007. История в лицах: Наполеон из Локая // *Фергана*. 03.09 (<http://www.fergananews.com/articles/5319>).
- Абдуллаев К.Н.** 2009. *От Синьцзяня до Хорасана: Из истории среднеазиатской эмиграции XX века*. — Душанбе.
- Абдуллаханов Д.М.** 2009. *Тарки дунё (Изгой)*. — Ташкент.
- Басмачество: Социально-политическая сущность**. 1984. — Ташкент.
- Бегалиев С.Б.** 1994. *Басмачество: новый взгляд. Киргизы и Кыргызстан: опыт нового исторического осмысления*. — Бишкек.
- Бляхер Л.Е.** 2004. Политические МИФИ Дальнего Востока // *Политика*. № 5.
- Бляхер Л.Е.** 2005. *Нестабильные социальные состояния*. — М.
- Бляхер Л.Е.** 2008. Возможен ли постимперский проект: от взаимных претензий к общему будущему // *Политика*. № 1.
- Бляхер Л.Е.** 2010. Государство и несистемные сети «желтороссии», или Заполнение «пустого пространства» // *Политика*. № 1.
- Бляхер Л.Е.** 2014. Ибрагим-бек: История локайского Робин Гуда // *Гефтер.ру*. 17.01 (<http://gefter.ru/archive/11086>).
- Бляхер Л.Е., Кизима С.А.** 2009. Центральная Азия: между Тамерланом и Ататюрком (Конструирование национальных государств в эпоху Постмодерна) // *Политика*. № 1.
- Вишневский А.** 1990. Как это делалось в Средней Азии // *Наука и религия*. № 3.
- Воскобойников Э.А., Зевелев А.И.** 1951. *Турккомиссия ВЦИК и СНК РСФСР и Туркбюро ЦК РКП(б) в борьбе за укрепление Советской власти в Туркестане*. — Ташкент.
- Ганин А.В.** 2008. Последняя полуденная экспедиция Императорской России: Русская армия на подавлении туркестанского мятежа 1916—1917 гг. // Айрапетов О.Р., Йованович М., Колеров М.А., Менинг Б. (ред.) *Русский сборник: Исследования по истории России*. — М.
- Ганковский Ю.В.** 1994. Персонажи с «той стороны»: Энвер-паша среди басмачей // *Азия и Африка сегодня*. № 5.
- Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Шишкина Л.В.** 1986. *Басмачество: Правда истории и вымысел фальсификаторов*. — М.
- Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Чугунов А.И.** 1981. *Басмачество: Возникновение, сущность, крах*. — М.
- Ишанов А.И.** 1969. *Бухарская Народная Советская Республика*. — Ташкент.
- Кассирер Э.** 1990. Техника современных политических мифов // *Вестник МГУ. Сер. 7: Философия*. № 2 (<http://read.virmk.ru/k/Kassirer.htm>).
- Касымов Ф.** 1967. К истории изучения Бухарской народной революции в первый период советской исторической науки // *Материалы XXIV научной конференции профессорско-преподавательского состава САМГУ им. А.Навои*. — Самарканд.

Московичи С. 2011. *Век толп: Исторический трактат по психологии масс.* — М.

Назаров Н. 2006. *Мухаммад Иброхимбек Лакай.* — Ташкент.

Пылев А.И. 2006. *Басмачество в Средней Азии: этнополитический срез (взгляд из XXI века).* — Бишкек.

Салимпур М. 2011. Кем были басмачи — разбойники или моджахеды? // *ЦентрАзия.* 26.01 (<http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1296056760>).

Сафаров Г. 1921. *Колониальная революция: Опыт Туркестана.* — М.

Успенский Б.А. 1994. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Успенский Б.А. *Избранные труды. Т.1: Семиотика истории. Семиотика культуры.* — М. (http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Ysp/05.php).

Устинов В.М. 1964. К вопросу о создании Средазбюро ЦК РКП(б) и его роли в организации экономического сотрудничества Туркестана, Бухары и Хорезма // *Вопросы истории КПСС.* № 7.

Хлевнюк О.В. 2012. *Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры.* — М.

Хотамов Н. 2000. *Бухарские джадиды и основные этапы их деятельности.* — Душанбе.

Чокаев М. 2002. Национальное движение в Средней Азии // Ивницкий Н.А. (ред.) *Гражданская война в России: События, мнения, оценки.* — М.

Шевченко Д.В. 2006. *Формирование массового басмаческого движения в Средней Азии после Октябрьской революции.* — Иркутск.

Эткинд А. 2013. *Внутренняя колонизация: Имперский опыт России.* — М.

Юсупов Э.Ю., Лунин Б.В. 1981. *Басмачество — орудие реакции.* — Ташкент.

Agamben G. 1998. *Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life.* — Stanford.

Brower D.A. 2003. *Turkestan and the Fate of the Russian Empire.* — L.

Broxup M. 1983. The Basmachi // *Central Asian Survey.* Vol. 2. № 1.

Sabol S. 2003. *Russian Colonization and the Genesis of Kazak National Consciousness.* — N.Y.

References

Abdullaev K.N. 2007. Istorija v licakh: Napoleon iz Lokaja // *Fergana.* 03.09 (<http://www.fergananews.com/articles/5319>).

Abdullaev K.N. 2009. *Ot Sin'czjanja do Khorasana: Iz istorii sredneazjatskoj ehmigracii KhKh veka.* — Dushanbe.

Abdullakhanov D.M. 2009. *Tarki dunjo (Izgoj).* — Tashkent.

Agamben G. 1998. *Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life.* — Stanford.

- Basmachestvo: Social'no-politicheskaja sushhnost'**. 1984. — Tashkent.
- Begaliev S.B.** 1994. *Basmachestvo: novyj vzgljad. Kirgizy i Kyrgyzstan: opyt novogo istoricheskogo osmyslenija*. — Bishkek.
- Blyakher L.E.** 2004. Politicheskie MIFI Dal'nego Vostoka // *Polis*. № 5.
- Blyakher L.E.** 2005. *Nestabil'nye social'nye sostojanija*. — M.
- Blyakher L.E.** 2008. Vozmozen li postimperskij proekt: ot vzaimnykh pretenzij k obshhemu budushhemu // *Politeia*. № 1.
- Blyakher L.E.** 2010. Gosudarstvo i nesistemnye seti «zheltorossii», ili Zapolnenie «pustogo prostranstva» // *Politeia*. № 1.
- Blyakher L.E.** 2014. Ibragim-bek: Istorija lokajjskogo Robin Gooda // *Gefter.ru*. 17.01 (<http://gefter.ru/archive/11086>).
- Blyakher L.E., Kizima S.A.** 2009. Central'naja Azija: mezhdru Tamerlanom i Ataturkom (Konstruirovanie nacional'nykh gosudarstv v ehpkoku Post-moderna) // *Politeia*. № 1.
- Brower D.A.** 2003. *Turkestan and the Fate of the Russian Empire*. — L.
- Broxup M.** 1983. The Basmachi // *Central Asian Survey*. Vol. 2. № 1.
- Cassirer E.** 1990. Tekhnika sovremennykh politicheskikh mifov // *Vestnik MGU. Ser. 7: Filosofija*. № 2 (<http://read.virmk.ru/k/Kassirer.htm>).
- Chokaev M.** 2002. Nacional'noe dvizhenie v Srednej Azii // Ivnickij N.A. (ed.) *Grazhdanskaja vojna v Rossii: Sobytiya, mnenija, ocenki*. — M.
- Etkind A.** 2013. *Vnutrennjaja kolonizacija: Imperskij opyt Rossii*. — M.
- Ganin A.V.** 2008. Poslednjaja poludennaja ehkspedicija Imperatorskoj Rossii: Russkaja armija na podavlenii turkestanskogo mjatezha 1916—1917 gg. // Ajjrapetov O.R., Jovanovich M., Kolerov M.A., Menning B. (eds.) *Russkij sbornik: Issledovanija po istorii Rossii*. — M.
- Gankovsky Ju.V.** 1994. Personazhi s «toj storony»: Enver Paša sredi basmachej // *Azija i Afrika segodnja*. № 5.
- Ishanov A.I.** 1969. *Bukharskaja Narodnaja Sovetskaja Respublika*. — Tashkent.
- Jusupov Eh.Ju., Lunin B.V.** 1981. *Basmachestvo — orudie reakcii*. — Tashkent.
- Kasymov F.** 1967. K istorii izuchenija Bukharskoj narodnoj revoljucii v pervyj period sovetskij istoricheskij nauki // *Materialy XXIV nauchnoj konferencii professorsko-prepodavatel'skogo sostava SAMGU im. A.Navoi*. — Samarkand.
- Khlevnjuk O.V.** 2012. *Khodzain: Stalin i utverzhenie stalinskij diktatury*. — M.
- Khotamov N.** 2000. *Bukharskie dzhadidy i osnovnye ehrapy ikh dejatel'nosti*. — Dushanbe.
- Moscovici S.** 2011. *Vek tolp: Istoricheskij traktat po psikhologii mass*. — M.
- Nazarov N.** 2006. *Mohammad Ibrohimbek Lakay*. — Tashkent.
- Pylev A.I.** 2006. *Basmachestvo v Srednej Azii: ehtnopoliticheskij srez (vzgljad iz XXI veka)*. — Bishkek.

Sabol S. 2003. *Russian Colonization and the Genesis of Kazak National Consciousness*. — N.Y.

Safarov G. 1921. *Kolonial'naja revolyucija: Opyt Turkestana*. — M.

Salimpur M. 2011. Kem byli basmachi — razbojniki ili modzhakhedy? // *CentrAsia*. 26.01 (<http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1296056760>).

Shevchenko D.V. 2006. *Formirovanie massovogo basmacheskogo dvizhenija v Srednejj Azii posle Oktjabr'skojj revolyucii*. — Irkutsk.

Uspensky B.A. 1994. Car' i samozvanec: samozvanchestvo v Rossii kak kul'turno-istoricheskij fenomen // Uspensky B.A. *Izbrannye trudy. T. I: Semiotika istorii. Semiotika kul'tury*. — M. (http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Ysp/05.php).

Ustinov V.M. 1964. K voprosu o sozdanii Sredazbjuro CK RKP(b) i ego roli v organizacii ehkonomicheskogo sotrudnichestva Turkestana, Bukhary i Khorezma // *Voprosy istorii KPSS*. № 7.

Vishnevsky A. 1990. Kak ehto delalos' v Srednejj Azii // *Nauka i religija*. № 3.

Voskobojnikov Eh.A., Zevelev A.I. 1951. *Turkkomissija VCIK i SNK RSFSR i Turkbjuro CK RKP(b) v bor'be za ukreplenie Sovetskoijj vlasti v Turkestane*. — Tashkent.

Zevelev A.I., Polyakov Ju.A., Chugunov A.I. 1981. *Basmachestvo: Vozniknovenie, sushhnost', krakh*. — M.

Zevelev A.I., Polyakov Ju.A., Shishkina L.V. 1986. *Basmachestvo: Pravda istorii i vymysel fal'sifikatorov*. — M.